

С.В. Алпатов (Москва, Россия)

В поисках трех праведников: «Почта духов» И.А. Крылова и фольклор

Аннотация. Сюжетообразующий для «Почты духов» И.А. Крылова мотив поиска трех праведных судей восходит к библейскому и общеевропейскому литературному и фольклорному топосу – «не стоит город без праведника», трансформируя его в сатирическом модусе посредством формул невозможного.

Ключевые слова: русская литература, фольклор, топосы, формулы невозможного

S.V. Alpatov (Moscow, Russia)

In Search for Three Righteous Judges: Krylov's "Mail of the Spirits" and Folklore

Abstract. The search for three righteous judges is one of the plot-forming motives in the "Mail of the Spirits" by Ivan Krylov. It goes back to the biblical – as well as the common European literary and folklore topos – "the city falls without the righteous", which is transformed in a satirical mode by means of adynata.

Keywords: Russian literature, folklore, topos, adynata

Среди русских сатирических журналов конца XVIII столетия «Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами» (1789) И.А. Крылова выделяется цельностью замысла и последовательным развертыванием сюжетно-композиционных линий. С одной стороны, авторами писем по универсальным моральным вопросам выступают сильфы Дальновид и Световид, ондин Бореид; с другой стороны, гномам Зору, Буристону и Вестодаву принадлежат частные очерки современных нравов. С тремя последними мифопоэтическими персонажами также связан сквозной сюжет «реформы в Аиде», пародирующий античный миф о Прозерпине, полгода живущей на земле и полгода – в царстве Плутона.

Под влиянием итальянских и парижских впечатлений Прозерпина требует от супруга переустроить загробный мир в согласии с современной модой:

В каком совершенстве ныне Италия!.. Если б ты знал, как там хорошо сочиняют оперы буффо, то бы ты сделался театральным буффоном. Жизнь моя! – продолжала она, оборотясь к Плутону, который смотрел на нее вытараща глаза, – сделай милость, заведи

здесь оперный театр; я на себя беру выписать актеров, музыкантов и хороших капельмейстеров.

– Богиня! – вскричал с сердцем Плутон, – ты наконец досаждаешь мне своими вздорными предложениями, и сама не знаешь, что хочешь делать.

– Выбрить тебе бороду, радость моя, – отвечала с нежностью Прозерпина, – и нарядить тебя во французский кафтан; и уверена, что ты с выбритою бородою так же прекрасен будешь, как Ганимед; прибавь же к тому французский кафтан, тупей алакроше, модные пряжки и щегольскую французскую шпагу [Крылов: 23].

Уже одно высказанное Прозерпиной легкомысленное желание рождает признаки грядущей бури, перевернувшей Аид с ног на голову: «Радамант, Эак и Минос жались как можно более, желая сохранить судейскую важность и чтоб не треснуть от смеха; сам Плутон половину плакал и половину смеялся, однакож ничем не мог уговорить Прозерпины» [Крылов: 24]. В следующем эпизоде – адской школе бальных танцев – смешливое настроение Радаманта, Эака и Миноса, не подобающее должности загробных судей, приводит к катастрофическим последствиям:

Школа началась балом, богиня сама открыла его с Плутоном... Радамант, Минос и Эак, которые также приглашены были на сей праздник, потеряли всю свою важность, коль скоро увидели тут Александра Великого, Цесаря, Помпея, Брута, Катона и Фемистокла с римскими весталками, прыгающих галопада. Бедные наши судьи, забыв придворную благопристойность, надрывались от смеха, и как им никогда не случалось так долго смеяться, то этот смех превеликою кончился бедою. Минос получил колику, толстый Радамант получил одышку, а у бедного Эака лопнул пузырь, и они, кое-как дошедши до своих постелей, сказались больными. И таким образом заседание адских судей перервалось, и некому было отправлять суд над ежечасно прибывающими сюда тенями [Крылов: 31].

Осмотрев пострадавших, Гиппократ установил, что у двух судей лопнули «мозговые перепонки», а у третьего «разорвалась в ушах барабанная кожица». Однако и лишённые способности слышать и рассуждать, судьи были готовы вернуться к своим обязанностям. Тем не менее Плутон решил искать новых судей на место старых, в связи с чем призвал гнома Буристонна и велел ему «как можно скорее лететь в свет и сыскать трех честных и беспристрастных судей, у которых бы мозг был в хорошем положении и которые притом не были бы глухи» [Крылов: 32].

Отыскать на «том свете» невиданную диковинку – типичная для волшебных сказок трудная задача, справится с которой гном Буристон никак не рассчитывает («Где сыщу я три такие чуда?»). В тяжких раздумьях о способах решения проблемы он просит совета у населяющих Аид античных философов. Однако Демокрит и Диоген отделяются двусмысленными шуточками, в частности, последний рекомендует, не мешкая ни минуты, тащить в ад любого судью, вынесшего справедливый приговор.

Целый ряд писем крыловского журнала посвящен безуспешным поискам праведных судей в разных частях земного шара, суммированным в итоге следующей «формулой невозможного»: «К Буристонну также посланы были приказы, чтоб он старался поскорей отыскать трех честных и умных судей, но и тот покорнейше уведомляет, что все его поиски напрасны и что он *скорее возьмется сыскать трех фениксов, шесть василисков и десять единорогов, нежели одного такого судью, каковы были Минос с его товарищами*» [Крылов: 123].

Стереотипному для литературы XVIII в. сатирическому мотиву тщетных поисков справедливого суда противостоит утопический мотив фольклорного предания о скрытых в российской глубинке праведных судьях:

«Прежде в городе не было никакой администрации; всем управлял мирный воевода. Мирным его прозвал Петр Великий. Проезжая однажды через Олонец, он спрашивает воеводу:

– Где у тебя дела?

– Никаких дел нет, – говорит воевода.

– А книги, которые тебе присланы?

– Все целехоньки, вот в шкапе лежат; извольте сами, государь, посмотреть!

– Да как же ты управляешь? – спрашивает Петр. – Ведь бывают ссоры, претензии?

– Бывают-то бывают, да я миром сужу их, – отвечал воевода, а сам бух в ноги царю.

– Как же это миром? Расскажи, – говорит Петр.

– А вот как. Придет ко мне кто-нибудь, жалуется, что чужая лошадь съела овес у него. Призываю хозяина лошади, спрашиваю: «Съела твоя лошадь его овес?» Сначала тот станет запирается; а я закричу: «Врешь! Если не сознаешься, я тебя в тюрьму посажу!» (Тюрьмы тогда уже были.) А сзади у меня и сторожа стоят, чтоб взять его; они будто и приготовятся вести его, и подойдут к нему поближе. Он бухнется мне в ноги и сознается. «Ну, говорю, – так заплати ж ты ему, сколько он запросит, да кланяйся ему в ноги, проси прощенья». А тому скажу: «А ты, брат, уж не проси с него много, а по-братски раздели грех пополам». Тот подумает-подумает, видит, что воевода так к нему ласково обращается, примерно вместо пяти четвериков, махнет рукой и скажет: «Ну, бог с тобой! Давай два с половиной четверика». Вот и уйдут, и помирятся.

– Так будь же отселе мирный воевода, – сказал Петр и уехал.

Лет через десять в Петербурге поссорились на балу из-за каких-то слов два генерала; один другому что-то сказал, пошли вздоры; дело затянулось и кончиться не может; оба платят поровну, дело-то ни в ту, ни в другую сторону и не клонится. Приказные и пишут, и мажут, и только деньги обирают. Дошло до царя. Он и вызывает из Олонца мирного воеводу. Приехал воевода.

– Вот какое у меня дело, – говорит царь. – Во сколько ты времени берешься рассудить?

– Во сколько прикажете, ваше величество.

– Три месяца будет тебе?

– Нет, это будет неудобно. Позвольте уж поскорее, чтоб в Олонце без меня дела не расстроились, чтоб там их кто-нибудь не замутил.

– Так как же?

– Да чтоб мне через неделю и назад быть. В три дня либо кончу, либо нет.

– Ну, хорошо.

Царь издает указ, что он вызвал для суда мирного воеводу из Олонца и что он положит, то непременно и будет исполнено. Генералы испугались. Вот назавтра призывает мирный воевода одного генерала, входит он. На столе лежат дела, вытребованные из Сената.

– Я целую ночь читал твое дело, – говорит воевода. – Оно совсем не правое. Выбирай одно из трех: или тюрьма, или виселица, или помириться с врагом. Завтра принеси или прошение, или записку, что ты выбрал.

Генерал хотел было спросить, но олонецкий воевода закричал на него:

– Ступай! Мне некогда тут с тобой...

Призывает другого генерала и то же самое приказывает. Думают генералы: черт с ним, лучше помириться, чем виселица. На другой день приходят в одно время, подают прошения о прекращении суда с изъявлением желания мириться.

– Ну вот так! Пойдемте к государю.

– Ну, решил ли? – спрашивает царь.

– Решил.

– Как же?

– Они помирились между собой. Теперь позвольте мне, ваше величество, к своим.

Царь его отпустил, и воевода воротился в Олонец и стал править городом по-прежнему [Северные предания: 150–152].

Народное предание XX столетия несомненно восходит к зафиксированной И.И. Голиковым анекдотической традиции века восемнадцатого:

Великий государь посещал часто и нечаянно города, когда граждане отнюдь его и не ожидали; и для сего употреблял на поездки свои самые простые экипажи и малую свиту. В один из таковых приездов прибыв монарх в Олонец, прямо пошел в воеводскую канцелярию и застал в оной воеводу, украшенного сединами, простосердечием и непорочностью, как из следующего то явно.

Его величество спросил его:

– Какие есть в канцелярии челобитчицы дела?

Воевода в страхе повергается в ноги государю и дрожащим голосом говорит:

– Виноват, всемилостивейший государь, никаких нет.

– Как никаких? – вопрошает паки монарх.

– Никаких, надежа-государь, – со слезами повторяет воевода, – виноват, государь, я никаких челобитен таких не принимаю и до канцелярии не допускаю, а всех таковых соглашаю на мир и следов ссорных не оставляю в канцелярии.

Удивился монарх таковой вине; он поднял стоящего воеводу на коленях, поцеловал его в голову и сказал:

– Я бы желал и всех воевод видеть столь же виноватых, как ты; продолжай, друг мой, таковое служение; бог и я тебя не оставляю.

Чрез некое же время приметив в Адмиралтейской коллегии между членами, а паче между господами Чернышевым и Крейцом несогласие, послал указ к воеводе оному, чтоб был к нему в Петербург, и по прибытии определил его прокурором в коллегию, сказав:

– Старик! Я желаю, чтоб ты и здесь был столь же виноват, как и в Олонце, и, не принимая никаких ссорных объяснений от членов, мирил их. Ты ничем столько не послужишь мне, ежели поселишь между ими мир и согласие [Голиков: 299–301].

Исследование рассматриваемой проблемы взаимосвязей художественного мира журнала И.А. Крылова и фольклора осложняется наличием у «Почты духов» установленных иностранных прототекстов: почти все письма сильфов восходят к произведениям маркиза д'Аржана [Разумовская], а сюжет модных преобразований в Аиде – к одноактной стихотворной комедии Ж.-Б. Пюжуля «Капризы Прозерпины, или Ад по-новому» («*Les caprices de Proserpine, ou Les enfers a la moderne*», 1784) [Трахтенберг].

Существенно, что в пьесе Ж.-Б. Пюжуля адские судьи Эак, Радамант и Минос – комические персонажи, хотя и изумленные нововведениями, но в то же время заинтересованно участвующие в организации увеселений: Эак ищет цветы для подземного сада, Минос – придворных для Прозерпины, Радамант – актеров, чтобы устроить в аду спектакль [Трахтенберг: 155–156]. Тогда как Минос, Эак и Радамант в «Почте духов» И.А. Крылова принадлежат к традиционным сатирическим типам глупых и недобросовестных судей, приставленных в итоге к синекуре – наблюдать прибыль и убыль воды в Стиксе, Ахероне и Коците, сочинять о том ежедневную записку и подавать предложения, как удерживать в берегах их воды, «которые и без того из берегов никогда не выходят» [Крылов: 131].

Наличие французского источника у исследуемого мотива трех судей загробного мира побуждает к поиску иностранных прототекстов к использованному Крыловым адинатону: легче отыскать трех фениксов, шесть василисков и десять единорогов, чем одного праведного судью.

Для первого компонента данной «формулы невозможного» в качестве близкой параллели можно указать расхожую для XVIII столетия французскую метафору «порядочная женщина – феникс»¹. Два других компонента адинатона («василиски» и «единороги») могут быть как иностранного происхождения, так и собственным изобретением И.А. Крылова. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении. Вместе с тем следует также учесть разновременные французские сатиры, использующие типологически сходные формулы неисчислимого («нет столько») как разновидности формул невозможного («невозможно найти»).

Так в анонимной мазаринаде «Les Regrets de l'absence du Roy» на бегство королевы, короля и придворных из фрондирующего Парижа 6 января 1649 г. на восьми страницах иронически исчисляются более 250 невозможных вещей, среди которых:

Les prez n'ont point tant de brins d'herbes – на лугах нет столько стеблей у травы,
Les granges n'ont point tant de gerbes – в овинах нет столько снопов,
La mer n'a point tant de poissons – в море нет столько рыбы <...>,
Les Normãds n'ont pas tant de pomes – в Нормандии нет столько яблок,
Et Lucques chez luy n'a tant d'olives – и в Лукке нет столько оливок,
Ny la Gascogne tant d'oignons – в Гаскони столько лука,
L'Anjou n'a point tant de melons – в Анжу нет столько дынь,
Sédan n'a tant de pistolets – в Седане столько пистолетов <...>,
Le grand Turc tant de concubines – у султана столько наложниц,
Les Juifs n'ont point tant d'usuriers – среди евреев нет столько ростовщиков,
Paris n'a point tant de coquettes – в Париже нет столько кокеток,
L'Enfer n'a point tant de tourmens – в аду нет столько мук,
Que i ay d'enuie que la Reyne
Tost à Paris le Roy ramené – сколько в Париже желающих, чтобы король вернулся
[Les Regrets de l'absence du Roy: 1–8].

Наличие разновременных и разноплановых параллелей к исследуемому мотиву поиска трех праведных судей (и, в частности, к его клишированной оболочке в виде «формул невозможного») открывает перспективу для более широких разысканий в области историко-культурного контекста сатирических компонентов «Почты духов» И.А. Крылова.

Так изучаемый мотив находит характерные соответствия в отечественной анонимной сатире начала XX в., а именно: в анекдотах и обличительных стихах на поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг.:

Японцы согласны отказаться от Порт-Артура, но условия нам: найдите пять попов непьющих, пять интендантов, взяток не берущих, пять студентов не битых, пять мужиков сытых, пять сестер не пробитых [Колоницкий: 336];

Япония России мир предложила
И в обеспечение мира просила:
Двух сестер не дающих,
Двух попов не пьющих,
Двух интендантов не берущих,
Одного крестьянина сытого,
Да одного жида не битого.
Таковых в России не сыскалось [Ульянов: 216].

¹ Ср. «Ces trois phénix sont Madame l'Intendante, & Mesdames les Comtesses de Montrou & d'Enneset» [L'Année littéraire: 185].

Сложившийся в годы Первой русской революции сатирический топос активно используется затем в анекдотах времен первой мировой войны и революции 1917 г.:

Царь Николай проиграл войну кайзеру Вильгельму. Победитель сказал побежденному: «Я верну тебе твое царство, если ты найдешь в нем трех человек – чиновника не берущего, попа непьющего и жида небитого». Принялись искать. Чиновника не нашли и взмолились о справедливости – нешто у тебя самого такой есть? Вильгельм вынужден был согласиться – ладно, давайте оставшихся двоих. Поиски увенчались успехом – найденных попа и жида со всей бережностью поместили в поезд и повезли в Германию. Но стоило поезду пересечь границу, как поп напился и побил еврея [Петрухин: 44].

Тем самым и в авторском сатирическом журнале конца XVIII в., и в народной сатире двадцатого столетия стабильность, эффективное функционирование и, в конечном счете, само существование гражданского общества ставится в прямую зависимость от наличия минимального числа образцовых членов – представителей базовых социальных групп.

В этой связи следует указать еще на один контекст из рукописной былины конца XVIII в., компенсирующий *непомерную* угрозу «своему миру» наличием *соразмерной* защиты:

нетъ столько древа стоячева,
нетъ столько сучия висячева,
нетъ столько листу падучева,
нетъ столько гаду пользучева,
нетъ столько зверя борзучева,
што пришло къ намъ силы неверныя.

<...>

какъ поганому подумати,
какъ нечистому помыслити
на нашъ святъ Ерусалимъ гратъ?
у насъ во святымъ Ерусалиме граде
есть три на десять богатыреи:
первые девять все захарьевичи,
другие девять все макарьевичи,
третие девять все яковливичи [Алпатов: 3].

В свете сказанного становится очевидным, что исследуемый мотив «поиска трех праведников» несомненно восходит к библейскому и общеевропейскому литературному и фольклорному топосу – «не стоит город без праведника»:

И обратились мужи оттуда и пошли в Содом; Авраам же еще стоял пред лицом Господа. И подошел Авраам и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым? может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем? Судия всей земли поступит ли неправосудно? Господь сказал: если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников неостанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять <...>

Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти (Быт. 18: 22–32).

Таким образом, хорошо известный русской литературе XIX в. по циклу рассказов Н.С. Лескова 1876–1887 гг.¹, а также по обработке народной легенды² Л.Н. Толстого «Три старца» (1885) [Толстой: 342–347] мотив «поиска трех праведников» реализуется в сатирическом модусе посредством фольклорных «формул невозможного», демонстрирующих крайнюю степень нравственного разложения общества [Щеглов: 410–421], в котором невозможно найти минимально необходимого числа граждан, чтущих справедливость.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов С.В. «Иерусалимская история» – духовный стих-былина XVIII века // Живая старина. 2012. № 1(73). С. 2–4.

Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. Т. 17. М., 1796.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2010. 664 с.

Крылов И.А. Полн. собр. соч.: В 3 т. Т. 1: Проза. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1945. 490 с.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: Праведники. М.: Правда, 1989. 415 с.

Петрухин В.Я. Что могло спасти Россию от революции. Из рассказов бабушки // Живая старина. 2017. № 4. С. 44–47.

Разумовская М.В. «Почта духов» И.А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. 1978. № 1. С. 103–115.

Северные предания. Беломорско-онежский регион. Изд. подг. *Н.А. Криничная*. Л.: Наука, 1978. 254 с.

Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1982. 542 с.

Трахтенберг Л.А. Журнал И.А. Крылова «Почта духов» и комедия Ж.-Б. Пюжюля «Капризы Прозерпины» // Русская литература. 2018. № 2. С. 152–157.

Ульянов Н.П. Сатира времен русско-японской войны // Новый часовой. 2001. № 11–12. С. 208–217.

Щеглов Ю.К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб.: Гиперион, 2004. 720 с.

L'Année littéraire. Vol. 8. Paris, 1782. 360 p.

Les Regrets de l'absence du Roy. Paris, 1649. 8 p.

REFERENCES

Alpatov S.V. “Story of Jerusalem”: Folk Epic Song from the 18th century. *Zhivaya Starina*. 2012. No 1(73), pp. 2–4.

Golikov I.I. Addition to the Acts of Peter the Great, Containing Anecdotes Relating to this Great Sovereign. Vol. 17. Moscow. 1796.

L'Année littéraire. Vol. 8. Paris. 1782. 360 p.

Les Regrets de l'absence du Roy. Paris. 1649. 8 p.

¹ «Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью... и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых “несть граду стояния”» [Лесков: 4]

² Сюжет СУС 827 «Простецкая молитва».

Kolonicky B.I. (2010) “Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War. Moscow. NLO Publ. 2010. 664 p.

Krylov I.A. The Complete Works: In 3 vols. Vol. 1: Prose. Moscow. Gosudarstvennoye Izdatelstvo Khudozhestvennoy Literaturny Publ. 1945. 490 p.

Leskov N.S. The Collected Works: In 12 vols. Vol. 2: Righteous. Moscow. Pravda Publ. 1989. 415 p.

Northern Tales. White Sea – Onega Region / Ed.: N.A. Krinichnaya. Leningrad. Nauka Publ. 1978. 254 p.

Petrukhin V.Y. What Could Save Russia from the Revolution? From the Stories of the Grandmother. *Zhivaya Starina*. 2017. No 4, pp. 44–47.

Razumovskaia M.V. “Mail of the Spirits” by I.A. Krylov and the Marquis d’Arzhan’s Novels. *Russkaya Literatura*. 1978. No 1, pp. 103–115.

Tolstoy L.N. The Collected Works: In 22 vols. Vol. 10. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1982. 542 p.

Trakhtenberg L.A. The Journal of I.A. Krylov “The Mail of Spirits” and the Comedy by J.-B. Poulx “Whims of Proserpine”. *Russkaia Literatura*. 2018. No 2, pp. 152–157.

Ulyanov N.P. Satire of the Russo-Japanese War. *Novy Chasovoy*. 2001. Vol. 11–12, pp. 208–217.

Shcheglov J.K. (2004) Antiochus Cantemir and the Verse Satire. St.-Petersburg. Giperion Publ. 720 p.

Сведения об авторе:

Сергей Викторович Алпатов,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alpserg@gmail.com